

Последняя
из рода
Мун

Семь СВИСТУНОВ

Ирина
Фуллер

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
Ф94

Иллюстрация на обложке *Тани Дюрер*
Дизайн переплета *Кати Петровой*

Фуллер, Ирина.
Ф94 Последняя из рода Мун: Семь свистунов. Неистовый гон / Ирина Фуллер. — Москва : Эксмо, 2023. — 480 с.

ISBN 978-5-04-175995-7

«Последняя из рода Мун» — история, рассказанная дважды.

Элейн, некогда дочь главы клана, а теперь прачка, встречает убийцу своей семьи. Она встает перед выбором: отомстить или отпустить. Чтобы принять решение, Элейн обращается к метафорическим картам. Из-за незначительной разницы в трактовке первой карты события начинают развиваться двумя совершенно разными путями.

«Семь свистунов» и «Неистовый гон» — две версии одних и тех же событий. Кто умрет, а кто останется в живых? Будут ли наказаны злодеи и как? Найдет ли Элейн свое счастье и как сложится ее судьба?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-175995-7

© Фуллер И., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Глава первая, в которой одна встреча меняет жизнь Элейн

Яркий огонь вызывал у Элейн дурные воспоминания. Она внутренне сжималась всякий раз, когда Войт зажигал печь, чтобы кипятить щелочную воду. Приходилось приоткрывать небольшое окно прачечной — будто бы из-за запаха, но на самом деле из-за душащего беспокойства.

От пара девичий лоб становился влажным, рыжие волосы вились еще мельче, вылезая из-под чепца. После кипячения Элейн всегда ждало еще много работы. Когда она заканчивала варить хозяйскую одежду в тазу, нужно было погрузить четыре корзины мокрого белья на телегу и отвезти к реке. Там тщательно прополоскать в холодной воде, вновь погрузить на телегу и отвезти на задний двор, чтобы развесить для сушки.

И так по два-три раза на дню. Хорошо, что щелок покупали теперь у соседа. Говорили, он делал лучшее

средство для стирки во всем Лимесе, если не во всей Кападонии. Элейн больше не нужно было тратить на это свои силы.

Обычно она отправлялась за щелочной водой ближе к вечеру. Элейн брала тележку, шла вверх по улице, проходила мимо мясной лавки с развешенными освежеванными тушами. Там ей неизменно становилось дурно. Она жмурилась и задерживала дыхание, проходя мимо.

Приходила в себя уже у колодца, у которого сворачивала к реке. К соседу можно было попасть только с небольшой насыпной набережной.

Получив воду, Элейн отправлялась обратно в прачечную. Назавтра все начиналось сначала.

В тот день ей отчего-то было особенно нехорошо. Должно быть, виной всему стал очень живой сон, что привиделся накануне. В нем эхом тысячу раз слышался хрип «Бегите!».

Элейн отправилась к реке. Заткнув юбку и передник за пояс, она встала за свою деревянную доску для полоскания, перегнулась через нее и принялась за работу, не обращая внимания на других прачек. Очень уж те любили поболтать во время работы, Элейн же не находила удовольствия в их беседах.

Задумавшись, она совершенно забыла обо всем, что ее окружало. Когда же вновь склонилась, чтобы покрасневшими от холода руками опустить в реку очередную рубаху, то увидела на волнующейся поверхности воды отражение мужчины. Тот стоял за ее спиной и терпеливо чего-то ждал. Первой реакцией Элейн был испуг: она не ожидала увидеть кого-то рядом с собой.

А в следующую секунду внутри Элейн все похолодело. Она замерла, смотря, как рябь на воде утихает,

и на застывшем зеркале реки становится совершенно отчетливо видно лицо молодого мужчины.

Вся ярость и боль, что жили в ее сердце последние десять лет, подступили к горлу, грозя вырваться на свободу душераздирающим воплем.

Это был тот самый человек, которого она видела в снах последние годы. Тот самый человек, которого Элейн ненавидела больше всего на свете. И теперь он стоял рядом.

Рубинового цвета рубашка выскользнула из девичьих рук, чуть взволновав поверхность реки, а затем начала плавно опускаться на дно.

Казалось, кровь наполняла воды, как это случилось тогда, в Думне, когда Элейн в последний раз праздновала свой день рождения.

* * *

Праздник в тот год устроили особенно пышный, и на то была веская причина: дочери главы клана исполнялось десять, а кападонцы любили круглые даты и славные застолья.

К тому же в деревне расположился отряд карнаби. Драммонд Мун, глава клана, отец Элейн, распорядился обращаться с ними, как с самыми дорогими гостями, поэтому в Думне был не просто праздник, а настоящий пир.

На самом деле Элейн не могла понять, почему отец так радушно принял карнаби: еще год назад кападонцы вели войну с этим племенем. Между ними была некая-нибудь взаимная неприязнь, а самая настоящая вражда.

И вдруг — гости.

После праздника, когда многие уже разошлись по своим хижинам, Элейн услышала голос отца во дворе их дома. Он сидел на скамье под большим дубом в окружении трех старших сыновей и обстоятельно разъяснял, почему позволил чужим солдатам остановиться в Думне.

Элейн тоже было интересно. Она подошла ближе, а чтобы никто не подумал, что она подслушивала взрослые мужские разговоры, стала гладить своего жеребенка.

— Кападонцы проиграли войну. Карнаби — слишком многочисленный народ, чтобы мы могли справиться с ними. Поэтому, чтобы избежать дальнейших кровопролитий, почти все кланы Кападонии согласились стать подданными королевства Англорум и дать присягу королю, выбранному карнаби. Это означает, что мы теперь на одной стороне.

— Но не лучше ли погибнуть, сражаясь, чем вот так сдаваться? — спросил старший брат Элейн.

Отец покачал головой:

— И что же останется от нас, кроме костей, если мы будем сражаться вопреки рассудку? Ради чего?

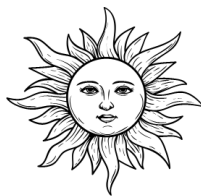
— Но я не хочу... не хочу преклоняться перед ними!

Глава клана похлопал своего наследника по плечу.

— Ты и не должен. Мы преклонили колено перед королем Англорума, а не перед карнаби. Эти солдаты, — отец неопределенно махнул рукой, — теперь обеспечивают нашу с вами безопасность. Поэтому я велел радушно принять их, позволить поселиться в наших домах, кормить и поить.

— Я не понимаю, — покачал головой средний брат. — Пускай так, но нельзя ли было поселить их в хлеву?

Отец Элейн вновь покачал головой, с полуулыбкой глядя на сына.

— Это политика. Я только на днях подписал присягу королю, поэтому мы должны продемонстрировать наши мирные намерения как можно явственнее.

Братья чуть помолчали, обдумывая услышанное.

Затем младший из трех спросил:

— А как ты подписал присягу?

— Очень просто: я подписал специальную бумагу и отправил ее мормэру в Роксетер. Мормэр отвечает за порядок в наших краях. Следит и за тем, чтобы все кланы приняли присягу.

— А что, если кто-то не подпишет ее? — спросил старший.

— Думаю, в таком случае мормэр Донун отправит к этому клану свой отряд. Кто знает, может, эти карнаби и идут сейчас к какому-нибудь дальнему, северному клану, не подписавшему присягу.

— Чтобы заставить сделать это? — мрачно уточнил один из братьев.

Отец кивнул.

— Постой-ка, это тот Донун, с которым ты лично сражался у Форта? — уточнил старший сын.

Глава клана ответил ему кивком.

— И которого победил? — широко улыбнувшись, спросил средний.

Отец рассмеялся и кивнул.

Элейн так внимательно слушала разговор, что не заметила, как к ней подошел Донни, ее младший братишка. Тому едва исполнилось четыре, но он звал себя

«мужчиной» и время от времени следил за дисциплиной.

— Что это ты подслушиваешь? — спросил он, быстро разгадав задумку сестры.

Улыбаясь, Элейн осадила младшего и начала играть с жеребенком. Самое главное она уже услышала: ради безопасности своих людей отец хотел показать этим карнаби, что клан верен королю Англорума.

Донни тоже подключился к игре. Вместе они стали дразнить жеребенка морковью, резвясь на пяточке у хлева.

Вечерело.

— Скоро мать домой погонит, — прошептала Элейн братишке. — Давай потише играть, может, не вспомнят про нас.

Мальчик заговорщически улыбнулся, и они улеглись на короткую траву недалеко от колодца. Элейн достала из кармана передника новенькую флейту, которую подарил старший брат, и стала тихонько играть.

Земля уже была прохладной, поэтому Элейн знала — они проведут так совсем немного времени, прежде чем отправятся в дом.

Небо укрылось от их с Донни взоров за размашистыми ветками старого дуба. Звонкий свист птиц начал наполнять пространство.

Братишке быстро надоело валяться без дела, и он побежал к отцу, а Элейн не могла оторвать взгляда от рассеявшихся на дереве соловьев-свистунов. Согласно поверью, семь свистунов были предвестниками скорой смерти, поэтому она несколько раз пересчитала их, чтобы убедиться: там было только шесть птиц. Облегченно вздохнув, Элейн прикрыла глаза, слушая шум листвы, голос отца вдали, залихватистый смех Донни.

— Смотрите, это свистун! — услышала вдруг она и подняла голову.

На плече у братика сидела птичка.

Медленно, точно во сне, Элейн перевела взгляд на ветку. Там все еще было шесть свистунов.

Она не успела осознать, что это значило, потому что в следующий момент раздался вопль где-то совсем близко. Элейн увидела, как резко встал на ноги отец. За пару дворов от них кто-то закричал. Раздался мужской смех.

Драммонд велел сыновьям немедленно идти в дом, но мгновением позже к ним во двор ворвались люди. Мальчишки замерли, наблюдая, как восемь мужчин в синей форме карнаби подходят ближе, направляя на главу клана острые сабли.

Элейн не помнила себя от страха. Боялась она вовсе не за свою жизнь, а за семью. Ком подкатил к горлу, не давая дышать. С ужасом она смотрела на Донни, который комично упер руки в бока и с безрассудной смелостью глядел на карнаби. «Беги в дом, глупый!» — отчаянно подумала Элейн, но не посмела прокричать эти слова вслух.

Отовсюду в деревне начали доноситься крики и ругань. Происходило что-то страшное. Элейн пыталась придумать, как помочь отцу и братьям, но у нее не было ни одной стоящей идеи. Отползти подальше она тоже не могла: страх сковал и лишил способности двигаться. Поэтому она продолжала лежать на траве, с бешено колотящимся сердцем наблюдая за происходящим.

Впереди всех шел молодой человек с вьющимися светлыми волосами. Голубой ворот его формы упирался в гладко выбритый подбородок. Лицо исказила зловещая усмешка.

— Что происходит? — требовательно спросил отец Элейн.

— Подавление очагов восстания, Драммонд, — отозвался молодой человек, демонстративно утерев с щеки брызги крови.

Кровь была не его.

— Вы пожалеете об этом. Мы — подданные королевства Англорум.

— Ах, но, любезный, вы не присягнули королю. Именно поэтому мы здесь: чтобы наказать вас за неисполнение воли Его Величества.

Отец сделал пару шагов вперед, и кончик сабли уперся ему в шею. Глава клана стиснул зубы.

— Послушай, пес, — процедил он, — подобное беззаконие...

— Беззаконие? — Карнаби удивленно поднял брови. — О чем вы? Это, — он чуть обвел окружающую обстановку взглядом, — приказ мормэра.

— Донун... — прохрипел отец яростно.

— Именно так. Он не получил от вас подписанной присяги и поэтому отправил отряд.

Понимание озарило лицо главы клана.

— Остановите эту резню. Заберите меня. Убейте, — бессильно сжимая кулаки, проговорил он. — Но остановите. Эту. Резню. Это личное дело между мной и Донуном.

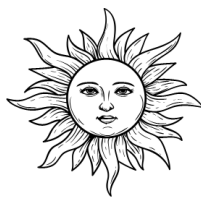
— О, не стоит волноваться, — отозвался карнаби. — Ты непременно умрешь.

С этими словами он лишь немного качнулся вперед, и кажущееся легким, лишенным какого-либо усердия, движение острой сабли рассекло горло.

Элейн зажмурилась. Она не желала видеть, как упал на колени отец. Как бросились на защиту братья.

— Бегите, — последнее, что смог прохрипеть когда-то могучий воин.

Элейн оцепенела. То, что случилось дальше, навсегда осталось в ее памяти. Она лишь молила богов, чтобы они пощадили младшего брата, он ведь был так мал...

А затем все потеряло всякий смысл.

Сознание Элейн отказывалось принимать то, что произошло. Она была уверена, что ошиблась. Это не могло случиться с ней, не могло случиться с ее семьей. Не могло случиться с Донни.

Она издала отчаянный вопль. Остальные солдаты, опьяненные кровавой расправой, не услышали его, они выскочили со двора, чтобы продолжить бесчинства в деревне.

Ее крик, однако, не ускользнул от внимания командира. Тот медленно обернулся. Их взгляды встретились.

Элейн не знала, где нашла силы подняться. Как смогла заставить себя побежать. Она слышала, что карнаби бросился за ней следом, но в ее голове не было никаких мыслей. Тело само двигалось, бежало, перепрыгивало через курятник. Элейн и дорогу-то толком не видела из-за слез.

Затем она услышала ужасающий хлюпающий звук, смешавшийся с жалобным ржанием. Она машинально обернулась и увидела, как ее жеребенок упал на землю. Невольно оказавшись на пути у солдата, животное задержало его, давая Элейн возможность спастись.

Она свернула на маленькую улочку, пробежала вперед, перепрыгнула через низкий забор, пересекла чужой двор. Чуть впереди горел дом ее друга Томмена. Элейн слышала холодящие кровь крики и видела, что солдаты не давали людям выйти, наказывая уколом сабли за любую попытку выбраться.

Огонь разгорался, и Элейн показалось, что в воздухе запахло горячей плотью. Но она слышала, что кто-то бежал за ней, и поэтому продолжала свой путь.

Пробежала по знакомой тропинке, по мостику через реку, в которой теперь плавали тела, обогнула соседский сарай и там не придумала ничего лучше, чем спрятаться за прислоненной к стене небольшой телегой.

Через несколько секунд на широкую дорогу вышел преследовавший ее карнаби. Элейн видела только его сапоги и кончик сабли, с которого капала кровь. Он шагал медленно, и, даже несмотря на какофонию звуков, что доносились со всех сторон, она слышала, как скрипели подошвы солдатских сапог.

Развернувшись на пятках, карнаби начал приближаться к телеге. Но тут раздался крик:

— Торэм! Мы там золото нашли, что с ним делать?

Повисла пауза. Элейн слышала, как пульсирует кровь в ушах.

Сапоги вновь скрипнули, их носки развернулись в противоположную от телеги сторону.

— Пойдем разберемся.

— А еще там такая кухарка...

Мужчины громко и скабрзно засмеялись.

Элейн не смела шевелиться еще несколько часов. Временами она проваливалась в сон, но затем вздрагивала, снова открывала глаза, утыкаясь взглядом в истертое дно телеги.

Светало. Крики давно прекратились, слышно было только пение утренних птиц и треск цикад.

Едва солнце начало вставать, продрогшая до костей Элейн осторожно вылезла из-под тележки и на четве-

реньках пробралась к соседскому сараю. Там прямо на входе лежала зарезанная свинья. Подавив вопль, Элейн перешагнула через нее, прошла вглубь, взобралась по шаткой лестнице на сеновал и спряталась там.

Наконец, ей удалось по-настоящему уснуть.

Ее разбудили голоса солдат. Через прореху в стене было видно, как карнаби в своей синей форме неровным строем шли по улице. Эти люди наконец покидали Думну. Их командир стоял чуть в стороне и наблюдал за своим отрядом.

Когда последний из солдат прошел вперед, их командир отвязал от оградки коня и запрыгнул в седло. Проходя мимо телеги, за которой еще недавно пряталась Элейн, он замер на мгновение, чуть сощурился, а затем саблей смахнул это ненадежное укрытие в сторону. Увидев лишь примятую траву, карнаби пустил лошадь в галоп.

В деревне не осталось ни одной живой души, кроме Элейн.

* * *

Облик того светловолосого мужчины врезался в память Элейн так отчетливо, будто она носила с собой его портрет. Она в деталях могла представить синий мундир с белым шейным платком и голубыми обшлагами. И вот теперь увидела свой ночной кошмар наяву. Отражение на поверхности реки подрагивало, покрывалось рябью, но лицо было узнаваемо.

Элейн медленно распрямилась и обернулась.

— О, прошу прощения, не хотел помешать вам, милая девушка, — улыбнулся убийца, задержав взгляд на ней чуть дольше, чем требовали приличия.